

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Матвеев С.Р.

КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ФРАНСУА ГИЗО

Аннотация: Проблема суверенитета является одной из важнейших в политической философии, поскольку стимулирует поиск ответа на главный вопрос политики: «Кто обладает высшей государственной властью?» Суверенен ли народ, представительство, монарх или Бог? Разработка этой темы – одно из наиболее популярных и плодотворных направлений в политической философии XIX в. Франсуа Гизо, размышляя о суверенитете, искал ответ на конкретные вопросы – о причинах затухания революции и гибели наполеоновской империи, о судьбе династии Бурбонов и жизнеспособности Хартии 1814 г. История идей и история понятий помогли реконструировать концепцию суверенитета Гизо в ее связи с интеллектуальным и политическим контекстом эпохи Реставрации (1814–1830). Обращение к этой теме позволило восстановить важную часть политической теории Гизо, пролить свет на философские истоки французского либерализма и продемонстрировать соотношение этой идеологии с демократической традицией, а также дало возможность увидеть сложную рефлексию относительно статуса проблемы суверенитета в политической практике.

Review: *Sovereignty is one of the most important problems in political philosophy because it makes us search for the answer to the most important questions of politics, 'Who has the highest level of state authority?'. Do the people, representatives, monarch or God have sovereignty? Development of this topic is one of the most popular and fruitful directions in the political philosophy of the XIXth century. Studying sovereignty, Francois Guizot tried to find answers to particular questions such as about the reasons of the decaying of revolution and death of the Napoleon empire, the fate and fortunes of the House of Bourbon and the vitality of the Charter of 1814. The analysis of the development of ideas and term has allowed to reconstruct Guizot's concept of sovereignty and shows its relation to the intellectual and political environment of the Restoration epoch (1814–1830). By addressing to this topic, the author of the article has managed to restore a very important part of the political theory proposed by Guizot and to cast light on the philosophical sources of the French liberalism as well as to demonstrate the relation between this ideology and democracy. This has also allowed to understand the status of the problem of sovereignty in political practice.*

Ключевые слова: Суверенитет, Франсуа Гизо, политическая философия, власть, общество, государство, демократия, монархия, легитимизм, либеральный консерватизм.

Keywords: *Sovereignty, Francois Guizot, political philosophy, government, society, state institution, democratization, monarchy, legitimization, liberal conservatism.*

Сегодня проблема суверенитета практически исчезла из сочинений политических теоретиков, однако она занимала центральное место в политической мысли посленаполеоновской Франции. Разработка этой темы – одно из наиболее популярных и плодотворных направлений в политической философии XIX столетия. Ее привлекательность для исследователей соответствовала степени ее актуальности в послереволюционных условиях. Из сферы схоластики она вышла на арену идеологических и политических столкно-

вений¹, участники которых искали ответа на конкретные вопросы – о причинах затухания революции и гибели наполеоновской империи, о судьбе династии Бурбонов и жизнеспособности Хартии 1814 г.

Причины угасания интереса к проблеме суверенитета сложны и разнообразны. Полвека назад Ж. Маритен в «Человеке и государстве» заметил,

¹ См.: Крашенинникова Ю.А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо // Полис (Политические исследования). 2002. №3 (68), стр. 164–165

что «ни одно понятие не породило так много противоположных точек зрения и не завело правоведов и политических теоретиков XIX в. в столь безнадежный тупик, как понятие суверенитета»². Маритен предсказывает исчезновение проблемы суверенитета из политической философии конца XX в. Это произойдет не потому, что оно устарело и не отвечает реалиям, не из-за тупиковых споров, которые оно порождает, но потому, что, будучи рассмотренным в его подлинном значении, а также в перспективе той научной сферы, к которой оно принадлежит, это понятие (как и проблема) в действительности неверное и обречено вводить философов в заблуждение, если они будут продолжать употреблять его, полагая, что это понятие слишком долго и слишком широко использовалось, чтобы его можно было отвергнуть³. Проблема суверенитета не имеет решения, поскольку невозможно найти реального суверена, будь то монарх, народ или любой другой субъект. Появление любого реального суверена приведет к тирании, хоть от имени монарха, хоть от имени народа.

Ж. Боден, основоположник современной теории суверенитета, отказывал светской власти в обладании «надмирским» суверенитетом, но признавал, что король есть суверен для своих подданных. У Бодена суверен не является частью народа и политического общества, а превращен в трансцендентное целое, которое есть его суверенная живая личность и посредством которого осуществляется управлением другим целым, имманентным целым, или политическим обществом. Когда Боден говорит, что суверенный государь являет собой образ Бога, эту фразу надо понимать во всей ее полноте, и она означает, что суверен – подчиненный Богу, но ответственный только перед Ним, – вне политического целого, так же как Бог вне космоса⁴.

Понятие «суверенитет» окончательно оформилось в период расцвета абсолютной монархии в Европе. Если в Средние века король был лишь сюзереном сюзеренов, каждый из которых обладал собственными правами и властью, то Но-

вое время дало политической философии теорию божественного права королей. Поскольку народ согласился с основополагающим правом королевской власти и дал королю и его наследникам власть над собой, то он лишился всякого права на самоуправление, и естественное право управлять политическим обществом с тех пор целиком принадлежало только личности короля. Таким образом, король имел право на верховную власть, которая была естественной и неотчуждаемой до такой степени, что свергнутые с престола короли и их наследники сохраняли это право навсегда, совершенно независимо от волеизъявления подданных. Так на прочном фундаменте суверенитета королей родился принцип легитимизма, сыгравший огромную роль в политической философии и государственной жизни посленаполеоновской Франции.

Гоббс писал, что, согласие неразумных существ обусловлено природой, «согласие же людей – соглашением, являющимся чем-то искусственным. Вот почему нет ничего удивительного в том, что, для того чтобы сделать согласие постоянным и длительным, требуется еще кое-что (кроме соглашения), а именно общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу». Тот, кто обладает этой властью, «называется сувереном, и о нем говорят, что он обладает верховной властью, а всякий другой является подданным»⁵.

Понятие «суверенитет» в нарождающуюся демократию ввел Ж. – Ж. Руссо, утверждавший, что Общественный договор дает политическому организму *абсолютную власть* над всеми членами последнего; эта-то власть, управляемая общей волей, называется, как я уже сказал, суверенитетом⁶.

Реконструкция концепции суверенитета Франсуа Гизо позволит воссоздать важную часть политической теории этого мыслителя, поможет пролить свет на философские истоки французского умеренного либерализма и продемонстрировать соотношение этой идеологии с демократической традицией, а также даст воз-

² *Маритен Ж.* Человек и государство. М., 2000, стр. 35

³ См.: там же, стр. 36

⁴ См.: там же, стр. 37–42

⁵ *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001, стр. 68

⁶ *Руссо Ж. – Ж.* Общественный договор или Начала политического права // Руссо Ж. – Ж. Политические сочинения. СПб., 2013, стр. 118

возможность увидеть сложную рефлексию относительно статуса проблемы суверенитета в политической практике.

Гизо затрагивает проблему суверенитета в трех трактатах, написанных при разных политических обстоятельствах и на разных этапах жизни философа. Первый текст, «Политическая философия о суверенитете»⁷, всецело посвящен указанной теме. Гизо так и не закончил это сочинение, оно долгое время оставалось в архивах поместья Валь-Рише, и было впервые издано П. Розанваллоном в 1985 г. О народном суверенитете философ размышляет в работе «О демократии во Франции»⁸, написанной в январе 1849 г., то есть под прямым впечатлением от собственной отставки и событий февральской революции 1848 г. Наиболее взвешенный взгляд на проблему представлен в историко-философском трактате «Три поколения. 1789–1814–1848»⁹, а также в мемуарах¹⁰.

Многие современные справочные издания по философии не включают определения понятия «суверенитет». Блэквелловская энциклопедия политической мысли предлагает политологическое толкование суверенитета как «власти, которая дает право лицу, наделенному ей, принимать любые решения и урегулировать споры в пределах политической иерархии»¹¹. Для философов предпочтительнее подход К. Шмитта, который писал, что «суверенитет есть высшая произвольная власть правителя»¹², а «суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции»¹³. Проблема верховной власти, по определению Шмитта, всегда есть вопрос о том, кто является сувереном: «Суверенен ли только Бог, т.е. тот, кто в

земной действительности действует как его представитель, не встречая прекословия, или император, или владетельный князь, или народ, т.е. те, кто, не встречая прекословия, может отождествить себя с народом, вопрос всегда стоит о субъекте суверенитета, т.е. о применении понятия к конкретному положению»¹⁴. Во французском интеллектуальном пространстве начала XIX в. существовало несколько интерпретаций основания верховной власти: традиционалистская модель Ж. де Местра и Л. де Бональда; концепция суверенитета народной воли Ж. – Ж. Руссо, развитая Б. Констаном; либеральная теория суверенитета абстрактного права. Позиция Гизо приближалась к последнему варианту, поскольку его не беспокоила проблема реальности субъекта высшей власти.

Как и во многих других вопросах, Гизо начинает рассматривать суверенитет с истории проблемы и обнаруживает историческое существование разных форм этого явления: «В области правления наши отцы видели, как на руинах права сильнейшего поднимается божественное право королей; сами же мы были свидетелями провозглашения суверенитета народа на руинах божественного права королей. Отвергая прежнего господина, люди не утратили надежды наконец получить правителя, который бы не смог лишиться власти и которого бы у них не было ни нужды, ни права свергать»¹⁵. Гизо уличает традиционалистов и сторонников народной воли в логической незавершенности их концепций: «Когда люди вознамерились обосновать суверенитет королей, они сказали, что короли суть образ Бога на земле. Когда они захотели обосновать суверенитет народа, было объявлено, что глас народа есть глас Божий»¹⁶.

Признавая Бога единственно суверенным, Гизо фактически лишает суверенитет реальной субъектности. Политическое объяснение этому очевидно: доктринер-центрист руководствовался задачей устранить опасность легитимации тирании как «справа», так и «слева». Он и сам признается, что, «поскольку ни одна власть в этом

⁷ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000, стр. 507–588

⁸ Guizot F. De la démocratie en France. Paris, 1849

⁹ Guizot F. Trois générations, 1789–1814–1848. Paris, 1963

¹⁰ Guizot F. Mémoires. Vol. 1–8. Paris, 1858–1867

¹¹ The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought / by Miller D., Coleman J., Connolly W., Ryan A. (Eds.). Oxford, 1987. P. 492

¹² Шмитт К. Политическая теология. М., 2000, стр. 16

¹³ Там же, стр. 17

¹⁴ Там же, стр. 21–22

¹⁵ Гизо Ф. Указ. соч., стр. 508

¹⁶ Там же, стр. 514

мире не является и не может быть тем, чем она должна быть, никто не имеет права называть себя сувереном»¹⁷. Ведь признать какой-либо реальный субъект сувереном означало бы признать его абсолютную власть и непогрешимость, т.е. реифицировать символы. Критикуя теории, овецивающие суверенитет, Гизо резюмирует: «...следует отрицать существование какого бы ни было суверенитета на земле; либо, если таковой и существует, следует отдать ему должные почести, отказаться от какого бы то ни было сопротивления и покориться»¹⁸.

Согласно Гизо, никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена¹⁹. Ни народ (и отдельные его представители), ни монарх не могут претендовать на высшую произвольную власть правителя и существовать вне нормально действующего правопорядка. Если человек по природе своей несовершенен и подвержен заблуждению, то никакая непогрешимая и совершенная власть, никакая власть, наделенная истинным суверенитетом по праву, не может ни оказаться в руках человека, ни происходить из недр человеческого общества. Однако, согласно Гизо, этот факт не захотели признавать ни народы, ни их правители: одни бесконечно искали надежной защиты абсолютно легитимной власти, другие стремились добиться суверенитета по праву, а вместе с ним и беспредельной, ни от кого не зависящей легитимности²⁰.

Таким образом, Гизо подвергает сомнению принципиально важный атрибут человеческого (мнимого) суверенитета – его абсолютность и идет в этом вопросе вслед за Б. Констаном, который утверждал, что «вместе со словом абсолютный ни свобода, ни (...) спокойствие, ни счастье невозможны ни при каких институтах»²¹. По мнению Констан, «никакая власть на земле

не является безграничной – ни власть народа, ни власть людей, называющих себя его представителями, ни власть королей, под каким бы именем они ни правили, ни власть закона, который, в зависимости от формы правления являясь лишь выражением воли народа или государя, должен быть вписан в те же границы, что и власть, из которой он проистекает»²².

Гизо выводит проблему единого суверенитета в сферу чистой абстракции и утверждает, что единственно легитимным по природе своей является разум, истина, справедливость, или, «выражаясь языком, более подходящим философии, это незыблемое Бытие, основными законами которого являются разум, истина, справедливость»²³. При этом мыслитель утверждает, что данные категории постижимы для человека: «... если бы человек не мог постичь истину, он бы никогда не знал, что способен заблуждаться, и одна только идея ошибки свидетельствует, что человек призван познать истину»²⁴. Гизо развивает идею Ж. Неккера, который утверждал, что «истинный суверенитет принадлежит только вечному разуму и правосудию»²⁵.

Просветители XVIII столетия, воспевавшие культ разума, изменили лишь источник суверенитета, но не отказались от принципа некой абсолютной власти. Для Руссо суверен непогрешим, поэтому решение, принятое обществом в результате обсуждения, способного обязать всех подданных перед сувереном, «не может обязывать суверена в отношении себя и, следовательно, противно природе общественного организма положение, когда суверен вменяет себе в обязанность подчиняться закону, который он не в состоянии нарушить»²⁶.

Суверен Руссо реален, един, но образован из множества частных лиц, его составляющих, поэтому «он не имеет и не может иметь соображений выгоды, противоречащих их выгоде, и, следовательно, суверенная власть вовсе не нуждается ни в какой поруче в отношении

¹⁷ Там же, стр. 517

¹⁸ Там же, стр. 526

¹⁹ См.: там же, стр. 517

²⁰ См.: там же, стр. 515

²¹ Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм. М., 2000, стр. 32

²² Там же, стр. 33

²³ Гизо Ф. Указ. соч., стр. 509

²⁴ Там же, стр. 510

²⁵ См.: Craiutu A. Op. cit., p. 128

²⁶ Руссо Ж. – Ж. Указ. соч., стр. 129

ях с подданными, потому что невозможно, чтобы организм пожелал нанести вред всем своим частям...»²⁷ Гизо возмущен с какой легкостью Руссо, не знавший, конечно, темных времен Французской революции, наделяет народный суверенитет «непогрешимостью, единственно способной его легитимизировать»²⁸. Великий женевец не отказывает суверену в абсолютности и реальности: «Суверен только по тому одному, что существует, всегда является тем, чем он и должен быть»²⁹. Читая эти строки, Гизо восклицает: «Какая удивительная робость человеческой мысли даже во времена великой отваги! Руссо не осмелился нанести последний удар гордости человека и сказать, что (...) никто в этом мире (...) не имеет права называть себя сувереном»³⁰.

Гизо призывает отказаться от бесконечного поиска суверена на земле, поскольку любой такой суверен окажется тираном. Однако мыслитель считает, что человек испытывает постоянную, повсеместную, абсолютную потребность во власти: «Это потребность в действительно существующей окончательной власти, которая, будь то в самой общей форме или в каком-то отдельном случае, выносит окончательное решение и требует послушания»³¹. То есть должны существовать законы, обязательные для выполнения, суждения, выносящие окончательное решение. Когда мы говорим о делах человеческих, реальных, тогда поиски истины должны иметь цель, сопротивление – предел, а воля – непререкаемого властителя. По мнению Гизо, того требуют условия существования человека, кратковременность его жизни и неотлагательность нужд.

Через проблему суверенитета Гизо переходит к принципу разделения властей. Фактический суверенитет, существующий где бы то ни было, подлежит разделению, чтобы предотвратить узурпацию власти и подвести людей под господство «единственно легитимного суверена» (разума, истины, справедливости). Фактиче-

ский суверенитет должен быть плодом усилия, «результатом сближения и столкновения властей независимых, равных и способных принудить друг друга к совместным поискам истины, дабы объединиться лишь в лоне ее»³². В отличие от Монтескье³³ Гизо сосредотачивает внимание не на равновесии и балансе властей, называя такую идиллию «пустым словом» и «химерой», но на их борьбе и труде. Мудрое управление этой борьбой с целью слияния властей «в лоне подлинного единства» – трудная задача, опасность которой заключается в возможности обретения чрезмерного превосходства одной из властей³⁴.

Признав взаимное ограничение властей в рамках реального суверенитета, Гизо подвергает сомнению второй важный атрибут человеческого суверенитета – единство. И вновь мыслитель солидарен с Констаном, убежденным, что «до тех пор, пока суверенитет не ограничен, нет никакого средства дать индивидам защиту от правления»³⁵.

Расхождения между Констаном и Гизо (между либерализмом и либеральным консерватизмом) начинаются с принципа народного суверенитета (демократии). Для Констана важным, «неоспоримым» и незыблемым принципом является «главенство общей воли по отношению к любой отдельной воле»³⁶. Констан призывает с осторожностью относиться к консервативным аргументам противников народного суверенитета, замечая, что в период Реставрации принцип народной воли пытаются очернить, «и все порожденные им болезни, и все преступления, совершенные под предлогом осуществления общей воли, придают видимую силу рассуждениям тех, кто стремится иначе определить источник могущества правительств»³⁷. Однако, признавая существование народного суверенитета, Констан призывал к его ограничению и считал, что философы, наделившие суверенитет народа без-

²⁷ Там же, стр. 130

²⁸ Гизо Ф. Указ. соч., стр. 516

²⁹ Руссо Ж. – Ж. Указ. соч., стр. 130

³⁰ Гизо Ф. Указ. соч., стр. 517

³¹ Там же, стр. 512

³² Там же, стр. 537

³³ См.: Монтескье Ш.Л. Дух законов. Т. 1. СПб., 1839, стр. 280

³⁴ См.: там же, стр. 539

³⁵ Констан Б. Указ. соч., стр. 32

³⁶ Там же, стр. 26

³⁷ См.: там же

границей властью, сильно заблуждались³⁸. Тем не менее, Констан, следуя в целом за Монтескье, считал, что власть небольшой группы наиболее подготовленных людей, «санкционированная согласием всех», может превратиться в общую волю. То есть всеобщее избирательное право является достаточным фильтром для реализации народного суверенитета и позволяет достичь высшей легитимности власти.

С подобным заключением Гизо не мог согласиться. Примыкание к численному большинству не является лучшей формой легитимности. Гизо считает, что политические теоретики сами ставили себя в тупик, когда пытались раз и навсегда сделать выбор между всеобщим избирательным правом и его отсутствием: «Одни полностью исключали избирательное право, хотя вовсе не стремились к разрушению свободы. Другие утверждали всеобщее избирательное право, хотя были вынуждены на каждом шагу опровергать самих себя»³⁹. Ошибка этого подхода состоит в том, что его авторы полагали, будто численное большинство всегда является – либо не является никогда – наилучшим доказательством легитимности власти. По мнению Гизо, все это условно и зависит от различных состояний, в которых пребывают человек и общество⁴⁰. Он считает, что широта применения права на волеизъявление должна беспрестанно варьироваться, «поскольку это право принадлежит на законных основаниях лишь способности»⁴¹. То есть корпус избирателей расширяется в соответствии с увеличением количества образованных и состоявшихся людей, в терминологии Гизо – среднего класса.

В реальной политике теория суверенитета Гизо означала отказ от расширения избирательного корпуса, чтобы исключить из политической жизни неподготовленные для этого слои населения, не обладавшие имуществом и должным образованием. Гизо, как и все орлеанисты, считает, что народный суверенитет недопустим, поскольку на практике он сводится к «суверенитету городской площади» и суверенитету индивидов,

т.е. анархии. Такой суверенитет основывается на простой силе и является формой самой абсолютной власти. Для него нет ни правил, ни пределов, ни конституции, ни законов, ни добра, ни зла, ни прошлого, ни будущего. Наставник и союзник Гизо Руайе-Коллар говорил: «Претензии самой капризной и сумасбродной тирании не идут так далеко, как претензии народного суверенитета, потому что никакая тирания не свободна до такой степени от ответственности»⁴². Коллективный субъект – самый беспринципный и безответственный политик, который с легкостью может привести к власти тирана. Монархия Наполеона тому пример.

Критичное отношение к народной демократии было общим местом в идеологии доктринеров и всходило к опыту Французской революции. Гизо и его единомышленники во время философских дискуссий и парламентских дебатов неоднократно обращались к темным временам революции для критики демократических идей. Они считали якобинский террор прямым политическим следствием реализации принципа народного суверенитета, который трансформировался в новую форму деспотизма. Падение Старого порядка доказало ошибочность и незаконность божественного права королей, а Террор поставил под сомнение народный суверенитет. Оппоненты часто упрекали Гизо в предсказуемости его антидемократических аргументов, на что он отвечал вопросом: «Сколько раз должен повториться 1793 г., чтобы вы поняли несостоятельность народного суверенитета?»⁴³ Все предосторожности против неограниченной власти будут бесполезны, если суверенитет не будет разделен.

По мнению Гизо, не народный или монархический суверенитет должен управлять обществом, а суверенитет неподвижный и бессмертный, суверенитет разума, «единственный истинный законодатель человечества». Через год после вынужденной отставки Гизо написал: «Демократическое идолопоклонство» (*l'idolâtrie démocratique*) является «величайшим из возможных зол, которое разъедает и разрушает правительства и свободы, человеческое

³⁸ См.: там же, стр. 28

³⁹ Гизо Ф. Указ. соч., стр. 578

⁴⁰ См.: там же, стр. 579

⁴¹ Там же, стр. 584

⁴² Цит. по: Бутенко В.А. Указ. соч., стр. 336

⁴³ См.: Craiutu A. Op. cit., p. 126

достоинство и счастье [граждан]»⁴⁴. Четырнадцать лет спустя философ нашел более сдержанные формулировки и признал определенную роль демократии, которую она смогла получить «только при помощи королевской власти»⁴⁵. Мыслитель признал, что «демократия имеет большие права и значительную роль в современном мире, большие, чем в любую другую эпоху, по крайней мере в крупных государствах»⁴⁶. Однако эта политическая форма имеет мало общего с народным суверенитетом и по-прежнему не является единственно возможной, а тем более лучшей. Демократия как «сок, который течет от корней деревьев к ветвям, но она не является самим деревом с его цветами и плодами. Она – ветер, который наполняет паруса и гонит корабли вперед, но она не является ни солнцем, которое освещает дорогу, ни компасом, который их направляет. У демократии есть дух прогресса, но нет дара сохранения и предусмотрительности. Она легко возбуждается и щедра на слова о перспективах свободы, но в своем опьянении она быстро отдается шарлатанам, которые ей льстят, после чего она тиранически раздражается против свобод, которые ей не нравятся. Она возбуждается слишком легко, а сопротивляется слишком слабо. Ей легче разрушать, а не сохранять»⁴⁷. Демократия лжива, потому что расточает несбыточные обещания всеобщего счастья и благоденствия. Демократия безнравственна, поскольку апеллирует к правам самой темной части общества⁴⁸. Временный успех демократии Гизо отнес к «фатальным ошибкам цивилизации»⁴⁹, гибельным для человечества⁵⁰.

Гизо говорит о постепенной подмене смысла понятия демократия. С течением времени под демократией начинают понимать равные возможности, в том числе для участия во власти, но не прямое народовластие. Политическая свобода

свойственна не только демократии. Что мешало гражданину [во времена орлеанизма] предпринять усилия для преодоления имущественного и образовательного ценза, ведь «никаких аристократических привилегий не существовало», «все карьеры были открыты», «налоги распространялись на всех, а индивидуальные свободы были гарантированы каждому»? Орлеанизм (либеральный консерватизм) не обещал всеобщего равенства, но нет его и при «демократии»⁵¹, которая в процессе своего развития уходит от реализации принципа народного суверенитета.

До Гизо суверенитет рассматривали как нечто, присущее какой-либо форме правления. В частности, Руссо, идеализируя «естественное состояние», предполагал, что в этом состоянии каждый был сувереном самого себя, а человеческий род не был поделен «на стада скота, каждое из которых имеет вожака, оберегающего свое стадо для того, чтобы затем его сожрать»⁵². Отсутствие сконцентрированного в одних руках суверенитета подтолкнуло великого женева рассматривать первобытное общество в качестве образца свободы и счастья. Гизо полагает, что, если не существовало суверена, который бы управлял всеми, то таким сувереном был любой: «Причем он был сувереном не только по отношению к самому себе, но и против всех остальных, со всей неизбывностью грубой силы и всеми капризами ничем не сдерживаемой воли»⁵³.

Согласно Гизо, формы правления существуют отдельно от суверенитета, поскольку они имеют отношение к человеческой жизни, а суверенитет – категория, принадлежащая вечности. Правление и суверенитет иногда смешивали, а иногда разделяли, но всегда забывали о природе суверенитета, и, забирая его у правления, им наделяли разнообразные власти или некие силы, которые не имеют на то никакого права⁵⁴.

Анализируя ретроспективу соотношения суверенитета и власти, Гизо замечает, что в первых политических сообществах суверенитет и правление воспринимались как нечто единое, и

⁴⁴ Guizot F. De la démocratie en France. Paris, 1849, p. 2

⁴⁵ См.: Guizot F. Trois générations, 1789–1814–1848. Paris, 1963, p. 20–21

⁴⁶ Ibid., p. 210

⁴⁷ Ibid., p. 211–212

⁴⁸ См.: Ibid., p. 212

⁴⁹ См.: Ibid., p. 21

⁵⁰ См.: Ibid., p. 24

⁵¹ См.: Ibid., p. 208–209

⁵² Руссо Ж. – Ж. Указ. соч., стр. 118

⁵³ Гизо Ф. Указ. соч., стр. 518

⁵⁴ См.: там же, стр. 517

Политика и общество 6 (114) • 2014

выражалось это в праве сильного, которое царило единолично на протяжении многих столетий. Тот, кто был слаб, оказывался вне общества. Однако и суверенитет не был нигде сосредоточен, никакая общественная власть не была им облечена, но каждый индивид обладал им в одиночку в своей собственной сфере существования. Изоляция и независимость индивидов порождали суверенитет сильных, которые стали распространять свое право настолько далеко, насколько позволяла их сила⁵⁵. Отсутствие единого и сконцентрированного в одних руках суверенитета подтолкнуло Руссо, а вслед за ним всю либерально-демократическую традицию к рассмотрению первоначального этапа развития общества в качестве образца счастья и свободы. Критикуя либеральную демократию сторонников Руссо, Гизо говорит, что все это течение оплакивало первоначальную независимость человека, забывая при этом, что, если не существовало единого суверена, то сувереном мог быть любой⁵⁶.

Либеральный консерватизм Гизо отдает предпочтение суверенитету, который, концентрируясь, набирал силу и был «менее абсурдным и менее тягостным». В конечном счете, именно этот суверенитет начал смешиваться с правлением, а иногда и с личностью главы государства. В абсолютистском государстве суверен и правление слились воедино: «Правление провозгласило себя наделенным тем изначальным и неотчуждаемым суверенитетом, который никто не имел права контролировать. Да и сами народы тоже так думали»⁵⁷. Несмотря на то, что Гизо считал такое положение несравненно лучшим, чем древнюю анархию, мыслитель признавал ошибочность такого понимания суверенитета.

Философ убежден, что правление не является ни продуктом силы, ни итогом соглашения, а общественный договор, связывающий людей с законами справедливости и истины, не является результатом творчества человека, равно как и сами эти законы: «Это божественный договор, в который рукой Всевышнего вписаны правила всех человеческих взаимоотношений, он уста-

навливает взаимные обязательства между правлением и обществом именно в силу того, что является высшим по отношению к ним обоим»⁵⁸. Мыслитель подкрепляет это логическим аргументом: человек не властен разорвать этот договор или безнаказанно забыть о его существовании на долгое время⁵⁹.

Гизо не предпринимает попытку создать собственную классификацию форм правления, на что были направлены усилия многих политических философов. Более того, он полагает, что любое подобное построение произвольно и обманчиво, поскольку основывается на неких чертах и отличиях, которые искали то в формах правления, то в некоторых его проявлениях. Таким способом получали монархию, аристократию, демократию: «...все эти названия не только вскрывают принцип, сколько отражают факты, они заимствованы из внешней формы правления, и не затрагивают его внутренней природы и его законов»⁶⁰. Многие философы, в частности Монтескье, решали задачу форм правления чисто теоретическим путем. В отличие от предшественников Гизо мыслит исторически. Если для Монтескье существуют принципы монархии, деспотизма, республики, обнаруживающиеся в различные периоды и в различных странах, то для Гизо существуют только конкретные исторические обстоятельства, конструирующие те или иные политические формы, лишь внешне схожие.

Философская проблема суверенитета тесно связана с принципом легитимизма, поскольку определение природы суверена позволяет найти источник легитимности власти, а «легитимная власть всегда была целью человека»⁶¹. Многие биографы записывают молодого Гизо в лагерь сторонников концепции Ш.М. Талейрана и Ф.Р. Шатобриана, которые утверждали, что легитимность королевской власти представляет «защитный оплот для народов», почему она и «должна быть священна». Если Талейран говорит о легитимности власти вообще, независимо от фор-

⁵⁵ См.: там же, стр. 518⁵⁶ См.: там же⁵⁷ Там же, стр. 519⁵⁸ Там же, стр. 525⁵⁹ Там же⁶⁰ Там же⁶¹ Там же, стр. 512

мы правления («При легитимной власти, будет ли она монархической или республиканской, наследственной или выборной, аристократической или демократической, самое ее существование, форма и способ действия укреплены и освещены долгой чередой лет»⁶²), то Шатобриан рассуждает лишь о легитимности монархии в целом и французской монархии в частности⁶³.

Действительно, Гизо поддержал идею реставрации династии Бурбонов в 1814 г., однако его концепция легитимизма, став важной частью политической теории, существенно отличалась от построений предшественников. Во-первых, она была связана с проблемой суверенитета: поскольку никакая человеческая власть по природе не может обладать всей полнотой суверенитета, то никакая власть равным образом не может претендовать и на неотчуждаемость, т.е. она «не может утверждать, что в любом случае ее падение не будет легитимным...»⁶⁴ Чтобы привести примеры законно свергнутых правлений, Гизо обращается к истории: «Так ли уж были неправы бравые конфедераты Рютли, освободившие Швейцарию от австрийского ига? (...) Такой ли уж незаконной была борьба против [деспотизма Робеспьера] и замена его иным правлением?»⁶⁵ Гизо убежден, что следует защищать право власти, но право не ее действий, а ее происхождения⁶⁶. Признавая существование «легитимных и необходимых» революций и войн, Гизо все же считал их исключениями из правила и призывал парламент (в январе 1848 г.) «ограничивать их насколько это возможно»⁶⁷.

Во-вторых, концепция Гизо предполагает потенциальную легитимность любой государственной системы, а не только монархии, при которой политическая легитимность предстает в специфической и более очевидной форме. Однако принцип, лежащий в ее основе, и его следствия встречаются во всех обществах, во всех систе-

мах правления: «Повсюду эта черта где-либо да присутствует, связанная с каким-либо институтом». В монархии она закреплена за престолом короля, в республике – за конституцией⁶⁸. Сама природа человека вызвала к жизни принцип легитимизма, который пронизывает все правления, но лишь наилучшие из них сохраняют легитимность (в современном обществе это происходит при голосовании)⁶⁹.

Вслед за Локком («Размышления о славной революции 1688») Гизо признает право на восстание: «Будь то старая или новая тирания и каковы бы ни были противники, под чьими ударами она пала, ее крах был столь же легитимен, сколь и их сопротивление, ибо сопротивление, как и власть, черпает свое право в своей моральной легитимности...»⁷⁰ Однако в позиции Гизо отчетливо прослеживаются рефлексия по поводу событий Французской революции и антидемократизм. Во-первых, он напоминает, что сопротивление связано с незаконными действиями, и случаи, когда оно представляется необходимым, «достаточно редки и достойны сожаления»⁷¹. Во-вторых, он считает, что это право не может быть раз и навсегда узурпировано ни одной волей, в том числе народной: «Если действительно будет доказано – а пока что это не так, – что сила, вершащая судьбы государств, заключена в народе, т.е. в большинстве, народ не получит от этого никакого права восставать против своего правительства и изменять его в соответствии с капризами собственной воли»⁷².

Гизо, за столетие до Маритена, считал, что в сфере политики понятие «суверенитет» не может использоваться адекватно. Потому что, в конечном счете, ни одна земная власть не есть образ Бога (Разума) и не является представителем Бога. Суверенитетом не может обладать ни монарх, ни народ. Гизо подверг сомнению два важнейших атрибута реального (человеческого) суверенитета – его абсолютность и единство. Идея о том, что источник легитимности власти на-

⁶² Талейран Ш.М. Мемуары. М., 1959, стр. 295

⁶³ См.: Шатобриан Ф.Р. Бонапарте и Бурбоны. СПб., 1814, стр. 6–8

⁶⁴ Гизо Ф. Указ. соч., стр. 540

⁶⁵ Там же

⁶⁶ См.: там же

⁶⁷ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Vol. 5. Paris, 1864. Vol. 5, p. 539

⁶⁸ См.: Гизо Ф. Указ. соч., стр. 541–542

⁶⁹ См.: там же, стр. 545

⁷⁰ Там же, стр. 541

⁷¹ Там же, стр. 548

⁷² Там же

Политика и общество 6 (114) • 2014

ходится вне реального мира, а сама верховная власть не имеет политической природы, восходит к работам Ж. Бодена. На ней строится традиционное представление о монархе как выразителе абсолютной власти Бога на земле. В этом смысле Гизо приближается к первоначальной концепции суверенитета. Благодаря этой ссылке на неполитический авторитет либеральный консерватизм сближается с традиционализмом.

Библиография:

1. В данной научной работе использованы результаты проекта, «Конструирование прошлого и формы исторической культуры в современных городских пространствах», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году
2. Бутенко В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814-1820. СПб., 1913
3. Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000
4. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001
5. Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления. – Классический французский либерализм. М., 2000
6. Крашенинникова Ю.А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо. – Полис (Политические исследования). 2002. №3 (68). С. 163–174
7. Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000
8. Монтескье Ш.Л. Дух законов. Т. 1. СПб., 1839
9. Талейран Ш.М. Мемуары. М., 1959
10. Руссо Ж. – Ж. Общественный договор или Начала политического права // Руссо Ж. – Ж. Политические сочинения. СПб., 2013
11. Шатобриан Ф.Р. Бонапарте и Бурбоны. СПб., 1814
12. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000
13. Craitu A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005
14. Guizot F. De la démocratie en France. Paris, 1849
15. Guizot F. Trois générations, 1789-1814-1848. Paris, 1963
16. Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1-8. Paris, 1858-1867
17. Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Vol. 1–5. Paris, 1863–1864
18. The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought / by Miller D., Coleman J., Connolly W., Ryan A. (Eds.). Oxford, 198
19. Борисенков А.А. Политическая власть – политическая субстанция // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 6. – С. 193 – 217. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.806. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html
20. И. Д. Короева Философия взаимодействия власти и народа // Политика и Общество. – 2012. – 4. – С. 18 – 24.
21. Жаровская И.М. Социальная культура народа и концепт государственной власти: проблемы соотношения // Право и политика. – 2013. – 7. – С. 915 – 918. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.7.7246.
22. Зайцев А.В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 5. – С. 29 – 44. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.5.689. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_689.html

References (transliteration):

1. Butenko V. A. Liberal'naya partiya vo Frantsii v epokhu Restavratsii. T. 1. 1814-1820. SPb., 1913
2. Gizo F. Politicheskaya filosofiya: o suverenitete // Klassicheskii frantsuzskii liberalizm. M., 2000
3. Gobbs T. Levifan. M., 2001
4. Konstan B. Printsipy politiki, prigodnye dlya vsyakogo pravleniya. – Klassicheskii frantsuzskii liberalizm. M., 2000
5. Krasheninnikova Yu.A. Publichnost' i parlamentarizm v politicheskoi teorii F. Gizo. – Polis (Politicheskie issledovaniya). 2002. №3 (68). S. 163–174
6. Mariten Zh. Chelovek i gosudarstvo. M., 2000
7. Montesk'e Sh.L. Dukh zakonov. T. 1. SPb., 1839

История политической мысли

8. Taleiran Sh.M. *Memuary*. M., 1959
9. Russo Zh. – Zh. *Obshchestvennyi dogovor ili Nachala politicheskogo prava* // Russo Zh. – Zh. *Politicheskie sochineniya*. SPb., 2013
10. Shatobrian F.R. *Bonaparte i Burbony*. SPb., 1814
11. Shmitt K. *Politicheskaya teologiya*. M., 2000
12. Craitu A. *Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires*. Oxford, 2005
13. Guizot F. *De la démocratie en France*. Paris, 1849
14. Guizot F. *Trois générations, 1789-1814-1848*. Paris, 1963
15. Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Vol. 1-8. Paris, 1858-1867
16. Guizot F. *L'Histoire parlementaire de la France*. Vol. 1–5. Paris, 1863–1864
17. Borisenkov A.A. *Politicheskaya vlast' – politicheskaya substantsiya* // NB: *Problemy obshchestva i politiki*. – 2013. – 6. – С. 193 – 217. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.806. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html
18. I. D. Koroeva *Filosofiya vzaimodeistviya vlasti i naroda* // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – 4. – С. 18 – 24.
19. Zharovskaya I.M. *Sotsial'naya kul'tura naroda i kontsept gosudarstvennoi vlasti: problemy sootnosheniya* // *Pravo i politika*. – 2013. – 7. – С. 915 – 918. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.7.7246.
20. Zaitsev A.V. *Deliberativnaya demokratiya kak institutsional'nyi dialog vlasti i grazhdanskogo obshchestva* // NB: *Problemy obshchestva i politiki*. – 2013. – 5. – С. 29 – 44. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.5.689. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_689.html